

АБСУРД КАК ПЕРИФЕРИЙНАЯ ПОТЕНЦИЯ ЯЗЫКА И ЯВЛЕНИЕ ДИСКУРСА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Клецкая Светлана Ильинична

к.филол.н., доцент, Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону)
kleckaja@inbox.ru

ABSURD AS A PERIPHERAL POTENTIAL OF THE LANGUAGE AND THE PHENOMENON OF DISCOURSE: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

S. Kleckaya

Summary: The article analyzes speech absurdity as a product of conscious speech-generating activity and substantiates an approach to speech absurdity as a peripheral potential of the language system, which is realized in special discursive contexts. An absurd statement always retains a close connection with the language system, since it is built from its elements (words, morphemes, phonemes) and is a consciously constructed statement, and in the language system itself, factors can hardly be found that absolutely prevent the appearance of absurd expressions and statements. Discursive factors, that is, the inconsistency of absurd statements with typical, natural communicative tasks (transmission of information, expression of thoughts, emotions, etc.), play an obstacle role. As a result, the traditional concept of absurdity as a deviation is complemented by the concept of absurdity as a realization of the peripheral potentialities of the language system, which becomes possible in special discursive-pragmatic contexts.

Keywords: absurd, absurd statement, nonsense, meaningless statement, anomalous statement.

Аннотация: В статье анализируется речевой абсурд как продукт сознательной речепорождающей деятельности и обосновывается подход к речевому абсурду как периферийной потенциальной языковой системы, которая реализуется в особых дискурсивных контекстах. Абсурдное высказывание всегда сохраняет тесную связь с системой языка, поскольку строится из ее элементов (слов, морфем, фонем) и представляет собой сознательно конструируемое высказывание, а в самой системе языка вряд ли могут быть обнаружены факторы, абсолютно препятствующие появлению абсурдных выражений и высказываний. Препятствующую роль играют скорее дискурсивные факторы, то есть несоответствие абсурдных высказываний типичным, естественным коммуникативным задачам (передача информации, выражение мыслей, эмоций и т.д.). В результате традиционное представление об абсурде как отклонении дополняется представлением об абсурде как реализации периферийных потенциалов языковой системы, которое становится возможным в особых дискурсивно-прагматических контекстах.

Ключевые слова: абсурд, абсурдное высказывание, нонсенс, бессмысленное высказывание, аномальное высказывание.

Введение

Хотя в настоящее время существует множество работ, в которых абсурд анализируется с точки зрения лингвистики и литературоведения, современная наука не располагает адекватной и завершенной теорией абсурда как речевого явления. В частности, к настоящему моменту сложилась традиция трактовки абсурда как своеобразного «антиязыка», то есть асистемного явления, в основе которого лежат отклонение и нарушение [1; 5; 12]. Разумеется, речевой абсурд систематически нарушает конвенции, ожидания и правила. Однако такая точка зрения не учитывает того, что, во-первых, абсурдные высказывания строятся из языковых единиц (звуков, морфем, слов), то есть соотносятся с системой языка, а во-вторых, порождение таких высказываний является частью специфических речевых (дискурсивных) практик и эти практики являются устойчивыми и воспроизводимыми.

Материалом для исследования послужили абсурдные высказывания, порожденные в контексте научных

исследований (лингвистика, философия) и художественной литературы. При анализе конкретного языкового материала были применены такие методы, как моделирование, фонетический, графический, морфологический, синтаксический, семантический, системно-структурный, коммуникативно-прагматический, контекстуальный и дискурсивный анализ.

Результаты и обсуждение

В настоящее время существует две дискурсивные сферы, в которых абсурдные высказывания получили устойчивое, хотя и относительно узкое распространение. Во-первых, это лингвистический и философский контексты, в которых абсурдные высказывания используются в качестве негативного языкового материала. Во-вторых, это дискурс художественной литературы, в которой выработались особые традиции, связанные с культивированием абсурда. Произведения фольклора (ср. пословицы *Ехала деревня мимо мужика; Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела; В огороде бузина, а в Киеве дядька* и под.), а также заговоры, детские считалки,

в которых речевой абсурд может принимать еще более радикальные формы) относительно периферийны для современной речевой культуры, а потому в рамках данной статьи от их подробного анализа мы отвлечемся.

1. Абсурд и бессмыслица как негативный языковой материал. Классическими примерами такого использования абсурда являются фраза Л.В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка* и фраза Н. Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* (*Бесцветные зеленые идеи яростно спят*). Принцип построения этих фраз заметно различается. Н. Хомский использует общеупотребительные английские слова, которые соединяются в соответствии с правилами английского синтаксиса, а аномальность фразы возникает в силу их лексической несочетаемости. Напротив, Л.В. Щерба за счет своеобразной симуляции корневых псевдоморфем полностью нивелирует лексический аспект предложения, выводя на первый план его морфолого-синтаксическую структуру, а также словообразовательную структуру входящих в него псевдолексем. Однако в обоих случаях мы имеем дело с нетипичными высказываниями, которые не поддаются интерпретации в полном смысле этого слова.

Имеются и другие, менее известные лингвистические примеры. В этом ряду можно упомянуть фразу *Le silence vertebral indispose la voile licite* (*Позвоночное молчание вызывает недомогание у законного паруса*), придуманную Л. Теньером; созданную Э. Ингрэмом в 1903 г. фразу *The gostak distims the doshes*; фразу Г.А. Лескиса *Под стурической стурой стурой стурой стурается стуренность стураций о стурах между стурами и между стурными стурениями этой стуры*; фразы Ч. Фриза *Woggles ugged diggles; Uggs woggled diggs; Woggs diggled uggles* и т.д.

К этим примерам собственно лингвистического использования абсурда/бессмыслицы примыкают примеры, возникшие в философском контексте. Мы имеем в виду заведомо ложные, аграмматичные или бессмысленные высказывания, а также псевдовысказывания, представляющие собой комбинации несуществующих псевдослов, не обязательно формально напоминающих реальные слова, например: *Quadruplicity drinks procrastination* (*Учетверенность пьет промедление*, Б. Рассел, «Исследование значения и истины»), *Caesar is and, Caesar is a prime number* (*Цезарь есть и, Цезарь есть простое число*, Р. Карнап, «Преодоление метафизики логическим анализом языка»), *Saturday is in bed* (*Суббота в постели*, Г. Райл, «Философские аргументы»), *Piroten karulieren elatisch* (Р. Карнап, «Логический синтаксис языка»), *Justice is red* (*Справедливость красная*, Р. фон Мизес, «Краткий учебник позитивизма»), *No ozderst is red, Ozderst vwxo ahlazza* (С.Дж. Оделл, «Нонсенс»), *Самовар доказывает галку* (А.Н. Колмогоров) и др. К этой категории случаев примыкают также примеры абсурдных высказываний и

выражений, анализируемые Э. Гуссерлем, идеи которого лишь отчасти пересекаются с проблематикой аналитической философии: *круглый квадрат, König aber oder ähnlich und* (букв. *Король но или похожий и*).

Специфичность последней группы высказываний заключается в том, что они изначально конструируются для иллюстрации не столько собственно-языковых аспектов, сколько логических проблем, находящихся в тесной связи с языковым выражением. Тем не менее, в формальном и смысловом плане мы вряд ли можем обнаружить существенные различия между абсурдными высказываниями, возникающими в лингвистическом и философском контекстах. Эти высказывания выполняют иллюстративные функции и реализуют периферийные потенции языковой системы, которые в силу разных причин не реализуются в обычном общении.

При оценке подобных примеров представляется принципиально важным исходить из того, что они являются искусственно сконструированными. Речь не идет об ошибке, которая была извлечена из реального высказывания и подвергнута анализу. Примеры анализа таких ошибок имеются в аналитической философии (см., разбор Карнапом философских положений Хайдеггера [2]), однако они составляют особую категорию явлений. Если ошибка представляет собой следствие дефекта в языковой компетенции или мышлении того, кто ее породил, то в примерах, вроде приведенных ранее речь идет о намеренно сконструированных высказываниях и выражениях. Такие фразы и выражения, будучи, по сути, негативным языковым материалом, остаются продуктами осознанного речепорождения, функционирующими в особых контекстах, и при этом могут получать широкую известность и регулярно воспроизводиться.

2. Абсурд и бессмыслица в эстетическом контексте. Выражения и высказывания, построенные по аналогичным принципам, мы обнаруживаем в художественной литературе. В качестве примера можно привести стихотворение «Jabberwocky» Л. Кэррола («Бармаглот» в русском переводе Д. Орловской), сказки Л.С. Петрушевской, среди которых наибольшую известность получила сказка «Пуськи бятые» (*Сяпала Калуша с калушатами по напушке и увазила Бутявку...*), опыты авангардистов и футуристов, например, стихотворение А.Е. Крученых «дыр бул щыл...» или стихотворение «Ursonate» Курта Швиттерса (*Fümms bö wö tää zää Uu, // pögiff, // kwii Ee...*), и т.д.

Тот факт, что потенции языковой системы порождают абсурд и бессмыслицу нашли своеобразное «признание» и применение именно в художественной литературе, представляется неслучайным. Языковой абсурд даже в самых его радикальных формах родствен вымыслу, фантастике и лжи. Разумеется, вымысел (включая фантасти-

ку) и ложь предполагают особые прагматические установки и эксплуатируют способность языка описывать несуществующие явления. Объединяет их с речевым абсурдом то, что во всех случаях речь идет об особых возможностях языка, позволяющих выйти за пределы «нормальной» коммуникации, подчиненной потребностям непосредственного взаимодействия. Заслуживает упоминания также то, что многочисленные попытки семантизации фразы Хомского *Colorless green ideas sleep furiously*, созданной как лингвистический пример, исходят из восприятия этой фразы если не как поэтической, то как образной и в значительной части случаев предполагают ее помещение в реальный поэтический контекст, который намеренно для этого создается (обзор см. в работе [10]). Возможность такого изменения контекста свидетельствует о родстве абсурда в эстетическом контексте и с абсурдом как негативным языковым материалом, и с поэтической речью.

Впрочем, это не означает, что проявления абсурда в лингвистическом и философском контексте абсолютно тождественны абсурдным высказываниям в художественной литературе. Подобное отождествление может быть обнаружено в некоторых работах, ср.: «В 80-е годы XX века у глокой куздры появился конкурент — пуськи бятые. Таково название впервые опубликованной в „Литературной газете“ юморески Людмилы Петрушевской...» [3, с. 138]. У этого суждения, несомненно, имеются основания, однако такое сближение не учитывает некоторые важные моменты. Единственное, что объединяет фразу Л.В. Щербы и текст Л.С. Петрушевской, — это общий формальный принцип, на основании которого они построены. И этот принцип, перенесенный из лингвистического контекста в контекст художественной литературы, приобретает иное наполнение и иную прагматическую нагрузку.

Для Л.В. Щербы задача состояла в демонстрации значимости морфологии при понимании предложения, в своеобразном «высвечивании» его морфолого-синтаксического «скелета», для Л.С. Петрушевской — в создании необычного, привлекающего внимание и стимулирующего воображение игрового текста. Предложение, придуманное Л.В. Щербой, с точки зрения его замысла принадлежит к метаязыковому измерению, тогда как в тексте Л.С. Петрушевской на первый план выступает собственно коммуникативное воздействие, которое осуществляется нестандартным образом и предполагает как интеллектуальную, так и эмоциональную реакцию (удивление, недоумение, смех). Занимательность, которая в примере Л.В. Щербы важна лишь в качестве вспомогательного инструмента осуществления дидактической функции, в тексте Петрушевской выступает на первый план, а вопрос о том, как «сделан» этот текст, принципиальный для лингвистического примера, наоборот, вытесняется на периферию (хотя, конечно же,

может быть поставлен).

Почему такие явления возможны? Любое абсурдное высказывание в той или иной степени опирается на систему языка, поскольку использует в качестве «строительного материала» те или иные элементы языковой системы. При этом система языка не содержит жестких ограничений, которые налагали бы абсолютный и непреодолимый запрет на создание таких выражений, как *квадратный круг* или *colorless green ideas*. Даже если аномальность таких выражений определяется не внешними факторами (то есть невозможностью найти для них референт или логической противоречивостью), а внутренними свойствами языковых единиц (то есть лексической сочетаемостью), мы все равно не вправе утверждать, что язык не допускает создания таких выражений. Само наличие таких выражений свидетельствует о том, что они возможны.

Даже в таких, казалось бы, радикальных случаях, как *дыр бул щыл* Крученых, связь с речью и языком не преодолевается. Во-первых, мы осознаем и саму знаменитую строку, и само стихотворение как высказывания, за которыми скрываются определенные намерения (эпатаж, исследование возможностей языка и т.д.). Даже если мы полностью отказываем этому произведению в эстетической или историко-литературной ценности, мы вряд ли вправе отрицать тот факт, что оно является высказыванием и фактом речи.

Во-вторых, зависимость от системы языка проявляется в том, что Крученых использует звуки русского языка. Сам Крученых осознавал это, поскольку, согласно одной из автоинтерпретаций знаменитого стихотворения, оно представляет собой «квинтэссенцию русской фонетики» [4]. Он использует графику русского языка, которая отклоняется от письменной нормы лишь незначительно (*щыл*), и это не нарушает фонетических принципов русского языка — стихотворение Крученых предназначено для декламации и не содержит элементов, которые нельзя было бы произнести.

Наконец, в-третьих, используя «алгоритм», заложенный в *дыр бул щыл* (или лежащую в его основе фонетико-графическую структуру, становящуюся своего рода грамматикой), мы можем создать едва ли обозримое множество аналогичных «высказываний»: *кам суг фыр*, *бар мыф гоб* и т.д. Последнее означает, что высказывание *дыр бул щыл* становится образцом, на основании которого могут создаваться аналогичные высказывания и тексты. Прямолинейное копирование фонетико-графической структуры стихотворения Крученых вряд ли имеет смысл, однако сам факт существования подобных явлений в разнообразных текстах начиная от фольклора (детские считалки, заклинания, см. примеры в работе [7]) и заканчивая современной поэзией (заумь, конкретная

поэзия) свидетельствует о том, что за бессмысленными и абсурдными высказываниями обнаруживается продуктивная модель.

Последний момент нуждается в пояснении. Языковая практика абсурда оказывает обратное воздействие на дискурс. Сам факт существования таких выражений или высказываний (не так важно, возникли они случайно или были сконструированы намеренно) задает возможность того, что подобное речевое поведение будет воспроизведено в будущем.

В этом отношении заслуживают внимания соображения П. Норвига, высказанные им в полемике с Н. Хомским [11]. Как известно, Хомский был противником вероятностных и статистических моделей языка, которые, по его мнению, не способны адекватно представить языковую компетенцию. Знаменитая фраза *Colorless green ideas sleep furiously* была сформулирована Хомским в качестве аргумента, поддерживающего эту критику: вероятностная модель языка не способна адекватно обработать такую фразу, так как она, во-первых, аномальна, а во-вторых, не зафиксирована ни в одном корпусе английского языка [9, p. 15–16].

Возражая Хомскому, П. Норvig в качестве одного из аргументов приводит тот факт, что природа языка и языковой компетенции является динамической. Появление фраз, подобных фразам Щербы или Хомского, оказывает воздействие на языковую компетенцию в той мере, в какой подобные речевые явления приобретают известность, становясь достоянием языка и культуры. Носитель языка исходит не из абстрактных грамматических правил, а из реального речевого материала, на основе которого он усваивает язык. По большому счету, этот аргумент не противоречит даже идее Хомского о врожденности грамматических структур: универсальные грамматические структуры действительно могут быть врожденными, но конкретный язык усваивается личностью в онтогенезе, и языковая компетенция ребенка «вбирает» в себя тот речевой материал, который формирует его языковую среду.

В контексте обсуждаемой проблемы эта аргументация представляется существенной потому, что возникновение фразы Хомского *Colorless green ideas sleep furiously*, а тем более ее широкая известность не могли не оказать воздействия на языковую компетенцию носителей английского языка (и носителей других языков, поскольку эта фраза была переведена на них). Предложив эту фразу, Хомский сделал ее возможной (хотя из этого не вытекает, что данная фраза является осмысленной) и предложил образец, которому можно подражать.

Наличие в языке возможностей для создания абсурдных выражений и высказываний может служить основа-

нием для утверждений о несовершенстве естественного языка. В этом отношении показателен следующее рассуждение из статьи Г. Фреге «Über Sinn und Bedeutung» (в русских переводах «О смысле и значении» или «О смысле и денотате»). Фреге видит недостаток естественных языков в том, что «они допускают выражения, которые облечены в правильную грамматическую форму и потому представляются имеющими некоторый денотат (как бы обозначают некоторую вещь), хотя в действительности денотата у них может и не быть» [6, с. 368]. Далее он продолжает: «В идеальном языке... любое грамматически правильное выражение, построенное из ранее определенных знаков, которое вводится в качестве собственного имени, должно обязательно обозначать нечто, и всякий новый знак может вводиться в качестве собственного имени лишь при условии, что ему обеспечен некоторый денотат» [6, с. 369]. Это означает, что в «идеальном языке» любое высказывание должно быть заведомо осмысленным, грамматичным и даже истинным, сама же структура «идеального языка» должна исключать все аномальное, фиктивное и ложное (о более подробной характеристике идей ранней аналитической философии об «идеальном языке» см. [8]).

Абсурдные высказывания раскрывают эту «неидеальность языка», причем эта демонстрация осуществляется даже в более широких границах, чем это подразумевает рассуждением Фреге (ср. приведенные в данной статье примеры высказываний с использованием псевдослов, которые в принципе не могут рассматриваться как имеющие референты). В этих явлениях как раз и проявляется «зазор» между структурой языка и реальностью. Проект «идеального языка», возможно, уместен в контексте философии науки. Однако именно существование речевых фактов, которые не соответствуют идеалам научной точности, выражения истины, осмысленности и т.д., свидетельствует о том, что язык как особое явление культуры в силу своей природы предполагает возможности, которые идут вразрез с указанными идеалами, но при этом могут быть восприняты как самоценные конструктивные потенции.

Выводы

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что абсурдность/бессмысленность высказывания или текста по отношению к системе языка не является абсолютно негативным явлением. Абсурдное высказывание опирается на систему языка, и в этой опоре заключаются и условие его возможности, и специфичность производимого им эффекта. Функционируя в качестве негативного языкового материала (лингвистика, логико-философские исследования), абсурдные/бессмысленные высказывания способствуют более глубокому пониманию языковых/речевых явлений (в частности, смысловой стороны высказывания, его лексико-грамматической

структуры) и частных дискурсивных правил. С другой стороны, они представляют собой особые возможности, заложенные в языковой системе, и культура, и некоторые частные дискурсы (литературное творчество, магические практики, языковая игра) в определенной степени стремятся освоить эти возможности и найти им применение. Такое положение явно свидетельствует о творческом потенциале речевого абсурда. Наконец, сам факт существования абсурдных высказываний создает прецедент, который может определять и реакции носителей языка на абсурдный речевой материал, и их собственную речевую практику.

Предлагаемая точка зрения на речевой абсурд предполагает, что объяснение периферийности и нечастотности абсурдных высказываний следует искать не в самом языке, а во внешних коммуникативно-дискурсивных факторах. Абсурд возникает там, где имеют место необычные комбинации слов или звуков, появление которых не может быть мотивировано стандартными коммуникативными потребностями и языковой традицией.

Однако это не означает, что с точки зрения системы языка они являются невозможными. Раскрытие этих потенций может иметь место лишь в особых дискурсивных контекстах, которые не подчинены основным, стандартным целям речевой коммуникации и составляют особые дискурсивные практики. Следовательно, вопрос заключается в том, какие дискурсивные и прагматические факторы приводят к тому, что эти заведомо периферийные возможности реализуются и, более того, оказываются мотивированными.

В плане перспектив дальнейшего исследования наиболее важным представляется рассмотрение вопроса о том, что именно нарушается при порождении абсурдных высказываний. По нашему мнению, более целесообразно говорить не об асистемности явлений речевого абсурда, а об их отклонении от узуса (дискурсивной традиции), который формируется под влиянием типичных коммуникативных потребностей. Впрочем, данная гипотеза нуждается в дополнительном изучении и обосновании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каргаполова И.А. О лингвистической проблематике абсурда (nonsense) // *Studia linguistica* (Санкт-Петербург). 2009. Вып. XVIII. С. 285–294.
2. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // *Аналитическая философия: Становление и развитие* (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–89.
3. Киклевич А. Проблемы описания русского синтаксиса в семантическом аспекте // *Лужнословенски филолог*. 2009. Вып. LXV. С. 127–151.
4. Клецкая С.И. Авто- и метакомментарии А. Крученых к стихотворению «дыр бул щыл...» // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 9 (152). С. 151–157.
5. Кравченко О.В. Явления языкового абсурда: металингвистические, когнитивно-дискурсивные и семиотические аспекты: (на материале русскоязычных и франкоязычных художественных текстов). Ростов н/Д., 2010. 181 с.
6. Фреге Г. Смысл и денотат // *Семиотика и информатика*. Вып. 35. *Opera selecta*. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 352–379.
7. Шкловский В.Б. О поэзии и заумном языке // Шкловский В.Б. *Гамбургский счет: Статьи. Воспоминания. Эссе*. М., 1990. С. 45–58.
8. Bianchi A. The language of thought as a logically perfect language // *Languagescapes. Ancient and Artificial Languages in Today's Culture* / Eds. V. I. Cassone, J. Ponzio, M. Thibault. Roma: Arcane, 2020. P. 159–168.
9. Chomsky N. *Syntactic Structures*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002.
10. Jahn M. 'Colorless Green Ideas Sleep Furiously': A Linguistic Test Case and Its Appropriations // *Literature and Linguistics: Approaches, Models, and Applications*. Festschrift Jon Erickson / Eds. M. Gymnich, A. Nünning, V. Nünning. Trier: WVT, 2002. P. 47–60.
12. Norvig P. Colorless green ideas learn furiously // *Significance*. 2012. Vol. 9. № 4. P. 30–33.
13. Rossi-Landi F. *On Absurdity* // Rossi-Landi F. *Between sign and non-sign*. Amsterdam: John Benjamins B. V., 1992. P. 131–156.

© Клецкая Светлана Ильинична (kleckaja@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»